
ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

И.Л. Андреев

СОЛНЦЕ ИЛИ ЧАСЫ? ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ АФРИКАНСКОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Предметом статьи является философско-антропологическое рассмотрение этнопсихологического феномена «мира без времени» и «времени без часов», выступающего одним из ключевых моментов различия менталитета европейцев и африканцев, ведущих традиционный общинно-племенной образ жизни или культурологически с ним достаточно тесно связанный. Ярким примером стойкой психологической антипатии коренных сельских жителей Тропической Африки к европейскому образу жизни, до сих пор ассоциирующему у многих из них с эпохой колониализма, является их отвращение к часам, особенно наручным, как средству внешнего управления ритмом жизни свободного от природы человека.

Основным методом исследования было включенное наблюдение в процессе полевой и преподавательской работы автора в 15 странах Северной и Тропической Африки.

Научная новизна проведенного исследования заключается в выявлении зависимости характера отношения традиционных африканцев ко времени от типа хозяйственной деятельности и племенной принадлежности, а также от уровня развитости товарно-денежных отношений и степени втянутости населения того или иного региона в рыночные и управленческие структуры.

Ключевые слова: время, настоящее, будущее, прошлое, образ жизни, традиция, отдых, часы, труд, культурные стереотипы.

«Но нигде на часах, показывающих нам время, мы не найдем времени, ни на циферблате, ни в часовом механизме... Где же время? Есть ли оно вообще, и имеет ли какое-то место? Время явно не ничто».

Мартин Хайдеггер

*«Птица Времени, белый морской орел,
Несет меня из чужого французского «сегодня»
В родное африканское «всегда»»*

Леопольд Сенгор

Танец с Солнцем

Что такое время для африканца? — Оказавшись в Танзании, Кении или Эфиопии, попробуйте побеседовать на эту тему с гордо-воинственным *масаем* в неизменно оранжевых домотканых одеждах и неразлучным с копьём-*ассегаем*. Его гордый сын саванны никогда не позволит себе поставить острием на землю, дабы не причинить ей — праматери всего живого — боль. Виртуозно жонглируя своим орудием-оружием, полуденный пастух выполняет замысловатые па одному ему ведомого сольного экваториального танца с вдохновением и самоот-

дачей, достойными сделать честь сцене Большого Театра. Дитя Природы, он широко улыбается радующему его Солнцу, от которого я не знаю, как укрыться, и самозабвенно напевает что-то очень душевное и заунывное. А вокруг на многие километры — ни краалей, ни соплеменников. Лишь перед ним несколько жалких коровёнок, больше похожих на крупных коз, да путник, из-за неисправности автомобиля застрявший в знойной саванне близ местного «затерянного мира» — легендарного кратера Нгоронгоро.

В состоянии экзальтации и полного слияния с Природой масай возник среди бескрайней саванны как призрак ушедших тысячелетий, когда все было так же, как сейчас, кроме моего присутствия и автомобиля. Он будто вырвался из тривиального «сейчас», оказался вне времени и вместе с тем «внутри» него, в какой-то невидимой ауре временной невесомости, где нет точек отсчета, вех, границ, где все едино и всеобъемлюще.

Складывалось впечатление, что одинокий масай буквально растворен в расплавленном воздухе и затерян в жухлой растительности сухого сезона с неуклюжими бутылками редких баобабо-

вых стволов среди островков акаций. Под зелено-желтыми зонтиками этих деревьев, украшенных игриво свисающими сережками крупных стручков, — прибежище изящных жирафов. Издали они напоминают томных длинношеих дам, изящно задрапированных в пятнистый камуфляж. Ассоциация с чем-то удивительно знакомым и близким занозой вошла в грозивший расплавиться от жары мозг. С ясностью галлюцинации, хорошо знакомой мне по вечно ускользавшим миражам в Сахаре и в Калахари, кинематографическим наплывом вокруг мирно жующих листики акаций жирафов всплыли до боли ясные ажурные силуэты Санкт-Петербурга начала XX века. Там, в отличие от заspanной саванны, с тех пор все слишком часто и бурно менялось, а время то билось в конвульсиях борьбы и энтузиазма, революций и репрессий, то замерзало в страшные блокадные зимы и темные ночи «плановых» арестов. Оно то невнятно металось взад и вперед, будто сбившийся с дороги усталый путник, то наивно — решительно катилось назад к призрачному «серебряному веку» русской поэзии и культуры.

А здесь, в африканской саванне, эти десятилетия как бы утонули в размеренной череде сухих и дождливых сезонов, смене поколений масаев, в ландшафте, сохранившемся без всяких реставраций не хуже, чем классическая набережная Невы. И будто сквозь десятилетия остановленного зноем времени мне что-то нашептывает прежде никогда не слышанный, но легко узнаваемый голос известного русского поэта, сердцем прикипевшего к Африке и, видимо, по ассоциации со шпильями в силуэте родного города создавшего свой неповторимый художественный символ континента. Им стала для Николая Гумилева не общепризнанная мудрая сила слона, не многократно воспетое мужественное благородство могучего льва, а легкое изящество, необычная красота цветовой гаммы и, возможно, спокойная дальновидность и скромная гордость самых миролюбивых обитателей африканской саванны.

*«Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.
Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.
Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет».*

Экваториальная жара жестоко растапливает навеянное именем поэта приятное воспоминание о влажной петербургской прохладе. К стрелкам моих наручных часов будто привязали невидимые гири, а циферблат смазали каким-то вязким клеем. Мучительно тянулись минуты и часы тягостного ожидания дорожной оказии в раскаленной, как кастрюля в духовке, машине, выйти из которой даже по причине физиологической надобности было рискованно: рядом мог оказаться лев-симба, а ведь у меня не было ассегая.

А рядом со мной, взмокшим и несчастным, будто за толстым стеклом, отделяющим меня от параллельного мира, пел, плясал, радовался солнечному теплу и свету человек, который живет в другой эпохе и принадлежит иной, соседней цивилизации, гораздо более адекватной его образу жизни, представлениям о времени и самом себе. Наверно, Альберт Эйнштейн, увидев нашу нелепую пару, подумал бы о каком-то социально-историческом варианте теории относительности... Мысленно сопоставляя его концепцию и представления безвестного первозданно-наивного масая, я, как стремящийся быть предельно добросовестным ученый, абсолютно не уверен, кому из них отдать предпочтение. Скорее всего, каждый прав по-своему! Каждой эпохе нужен свой Эйнштейн. К слову, лично мне его концепция не представляется продуктивной за пределами теоретической физики и космологии.

Я не согласен с глубоким и уважаемым немецким философом Карлом Ясперсом, который в качестве критерия, границы, Рубикона цивилизации и цивилизованности предложил рассматривать так называемое «осевое время» исторических событий¹. Поставьте себя на место масая. Как он истолкует в обыденных происшествиях и житейских представлениях время, «нанизанное» на ось. Как буддийское «колесо жизни»? Чем-то вроде шампура в ночном костре: *то, что сжарилось, никогда не станет сырым.*

Хотя принятые в современной теоретической физике в качестве умозрительной модели «петли времени» (как возврата к зоне исходной точки после определенной траектории событий) в чем-то созвучны масайской картине мира и жизни. В отличие от античного символа — стрелы времени, они ближе к образу бумеранга, который бестолковый

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.

абориген в некогда популярном анекдоте никак не мог выбросить, чтобы завести новый. Да, к тому же стрела, как упорно утверждал великий грек Зенон, покоится даже тогда, когда она движется, находится в полете. Значит, время, в котором она существует и функционирует, неоднородно, неоднозначно, слоисто!?

Масаю это трудно уяснить. К тому же, в отличие от бушмена или пигмея, он луку со стрелами явно предпочитает легендарный ассегай, завещанный ему далекими предками и их духами, со временем ставший как бы органом его тела, продолжением правой руки. Движения тандема «рука-копье» в боевых плясках масаев как бы описывает дугу или петлю времени. Будучи многократно и методично повторенной, она имитирует модель накручивания в принципе однородных событий на виртуальный цилиндр. В чём-то изоморфный вращению Земли и, вместе с тем, напоминая ствол пальмы их традиционно-архаической жизни. Сотканная из ритуалов, символов и суровых табу, нить первозданного бытия, вращаясь вокруг невидимого столба, как бы закручивается в узелки особо памятных дат и событий. Ритуальный «циферблат», в отличие от часового, не имеет определенной, зримой, осязаемой, конкретной формы. Лунные «деления» на нем нередко преобладают над солнечными, хотя «стрелки» солнечных лучей фиксируются легче, нежели астрономически гораздо более информационные формы лунного диска и «селеновые» дорожки на водной поверхности. К слову, в Западной Европе минутная стрелка на циферблате в дополнение к часовой появилась лишь на предшествующем рубеже миллениумов.

Эпохи и пласты времени могут наезжать друг на друга, ломаться, вздыбливаться, подобно тектоническим плитам во время землетрясений и извержений вулканов. В духе этой метафоры правомерно говорить о переломах в восприятии времени и отношении к нему в терминах «времятрясения» и «времяизвержения». Оно может представляться смутным и ясным, призрачным и прозрачным, быть быстро или медленно текущим относительно жизненно важных процессов. То, оно набирает бешеную скорость, как устремившийся за верной добычей гепард или разъяренный носорог, то резко тормозит, будто угодивший в болото гиппопотам.

Словом, время — оно и в Африке время, хотя отношение к нему, обращение с ним и использование его там сегодня совсем иное, в корне отличное от евро-американских стереотипов. Другое дело

— современная физическая идея все расширяющегося и углубляющегося «туннеля времени». Он может связать напрямую людей, представления и события, оказавшиеся на разных континентах и даже в различных исторических эпохах. Это, между прочим, — возможный фундамент для запуска диалога разделенных веками и тысячелетиями, глобусными параллелями и меридианами, горами и океанами ареалов различных цивилизаций, культур, менталитетов — ключа к планетарному гуманистическому уважению и сотрудничеству.

Ведь по большому счету, оба параллельных, по-своему переживаемых нами обоими восприятия времени сосуществуют в одном и том же астрономическом интервале экваториального полдня. Как рельсы железной дороги на громадной равнине, незаметно сливающиеся где-то вдаль. В принципе между нашими, по-своему альтернативными, хронотопами может быть проложен психологический туннель взаимопонимания и взаимодействия. Вроде как под Ла-Маншем. Но ведь и его строительство — дело тоже долгое, дорогое и обязательно обоюдное. А пока? Я нужен масаю еще меньше, чем он мне. Может быть, напишу о нашей нечаянной встрече что-то вроде эссе-новеллы. Он-то и писать не умеет. Да разве ему в новинку эти вечно куда-то спешащие, суесящиеся, такие нелепые в своих затеях, одеждах и поступках европейцы? Абсолютно неинтересны!

...Я не отрываю залитых потом глаз от циферблата. Распухшим от жажды языком пытаюсь считать секунды и минуты, будто это хоть как-то сокращает время. Масаю часы ни к чему. Лишняя тяжесть и помеха. Время для него спонтанно, как эта песня, экспромтно, как его танец, случайно, как наша встреча, и необходимо, как дыхание. Оно, будто собственная тень, неизменно рядом, да в руки не дается. Его нельзя сохранить, засушить, заключить в *калебас* (сосуд из высушенной тыквы), потрогать, понюхать, попробовать на вкус, увидеть, услышать. Оно — в движении звезд и смене времен года, в фазах Луны, круговороте дня и ночи, чередовании сухих и дождливых сезонов, рождении и взрослении детей, смене поколений, возвращающей родившимся «освободившиеся» имена ушедших в тень абстракций предков. Время — это то, что «сейчас». То, что было, и то, что будет, когда-то прошло и/или неоднократно пройдет через неизбежное, непосредственно переживаемое «сейчас». Как метафорически тонко заметил наш поэт-песенник, жизнь — это «миг между прошлым и будущим». Он образует «своеобразный

поперечник по отношению ко времени большому. Его фигура — не прямая, но какой-то невнятный росчерк, наподобие оборванных волокнистых линий на картинах Хуана Миро»².

Внутренним «боем часов» для масая является чувство голода, внешним — состояние природы, «подсказывающее», как его утолить. Масаи в отнюдь не щедрый на плоды земли сухой сезон в случае необходимости доят своих животных, а затем выверенным движением ассегая вскрывают яремную вену одного из них. Молоко, смешанное с кровью, — дежурное блюдо, которое всегда с собой, как бутерброд в кармане европейца-язвенника, в суровый и тоскливый период между вожделенными тропическими ливнями, оживляющими саванну яркими сочными красками и разнообразящими меню кочевников фруктами, овощами, ягодами, корнеплодами, богатыми протеинами насекомыми.

Время для масая вроде воздуха. Жить без него нельзя. Но иногда, например, ныряя в воду, человек приостанавливает дыхание, чтобы потом оно стало более интенсивным. Время безбрежно, безмерно и безразмерно. Ему нет цены. Оно выше вещей, настроений, утрат. И только глупые европейцы, вроде меня, вместо того, чтобы безоглядно наслаждаться жизнью, безжалостно подстегивают его. Часто смотрят на часы, вечно куда-то мчатся, считают деньги, ругаются, завидуют, ссорятся, хотят урвать у другого и вообще обогнать время, не понимая, что оно-то и есть — сама жизнь.

Мы так и могли, не касаясь друг друга, проплыть мимо на собственных орбитах времени и судьбы. Но встреча наша все-таки состоялась, хотя сам контакт оказался весьма лаконичным и малоплодотворным для обеих сторон. Услышав гудок автомобиля, масай изменил траекторию своего пути и вскоре приблизился. Тогда-то наш бессменный часовой, удобно расположившийся под ближайшим деревом лев, завидев оранжевую тогу и легкое игольчатое копье, недовольно поднялся и степенно удалился, словно почуяв, что потенциальный ужин следует искать в другом месте, скажем, у водопада.

Между тем, приблизившись, гордый обитатель саванны невозмутимо позировал перед объективом избавившегося от львиной осады экипажа. Через короткое время, почему-то облюбовав мой пестрый, модный в ту пору галстук, масай при-

нял боевую стойку и твердо дал понять, что ему в этой жизни только галстука и не хватает. Мои робкие возражения насчет завтрашней лекции в Дар-эс-Саламском университете впечатления не произвели. Возможно, эти слова, включая наименование столицы, он слышал впервые, или истолковал на свой лад, предложив в обмен одну из крохотных коровёнок. Сразу вспомнился кавказский тост о том, чтобы наши желания (хочу купить «Волгу») соответствовали нашим возможностям (денег хватает разве что на козу)! В конце концов, среди моих вещей он выбрал ковбойку оранжево-охристого, близкого и привычного ему цвета, кстати, гармонировавшего с традиционной накидкой.

Таким замысловатым способом мы начали поиски общего языка. Я огорчился насчет поломки автомобиля, посетовал на потерю времени и уже явное опоздание на важную встречу в столице. Он без тени сочувствия: *«Зато мы встретились и поговорили. Значит, все идет хорошо, как раньше и как должно быть»*. По его мнению, поломка мотора в прекрасный солнечный день — неслыханная удача: *«Какая красота вокруг! Сколько света, тепла и зелени! А спешить вообще никуда и никогда не надо. Спешить — плохо! И тем, кто спешит, нервничает, ошибается из-за этого. И тем, к кому спешат: они ведь не только стойко переносят тяготы ожидания, но и чувствуют переживания спешащих, стремящихся не опоздать на встречу. Нам, масаям, видеть эту сутолоку грустно, и за вас, европейцев, обидно: до чего же вы бестолковые и суетливые! Искусственно подгоняя время, совсем не считаясь с ним, вы даже не думаете о том, что можете причинить ему боль и страдания»*.

Сам он в городе ни разу не был. И его туда совсем не тянет. Хотя молодежь иногда из крааля уходит и не всегда возвращается. Поэтому старейшины разработали особый ритуал напутствия и защиты тех, кто волею судеб или влекомый собственным неодолимым легкомыслием оказывается вдалеке от их могил, и другой — очистительный, чтобы снять скверну чуждого традиционному быту города с возвратившихся оттуда своих блудных сынов.

Вскоре наше общение явно наскучило одинокому путнику или просто утомило его. Скорее всего, эти факторы взаимодействовали. Я не удивился, будто даже ждал этого. Великий швейцарский психолог Карл Юнг удивительно тонко подметил и объяснил резкое несоответствие времени и степени концентрации внимания архаичного человека на узком сенсорном поле (обычном, привычном,

² Петровская Е.В. Фигуры времени // Вопросы философии. 2000. № 10. С. 61.

как бы не замечаемом) и разбросной форме беседы в виде ответов на вопросы. Юнг признавался, что даже ему, талантливому психиатру и психоаналитику, не удавалось растянуть свои разговоры с африканцами, индейцами, обитателями островов южных морей более, чем на два часа. После этого собеседники на различных континентах, словно сговорившись, заявляли о своей усталости, скуке, потере интереса к словесному общению, хотя обстановка при этом могла быть самой непринужденной, а вопросы простыми до примитивности. Характерно, что тот же самый человек мог без перерыва и жалоб на усталость пробежать 120 километров в качестве письмоносеца или без усталости танцевать ночь напролет вокруг пылающего костра при температуре воздуха в 34 градуса.

Кстати, наше общение было неожиданно прервано, едва успев набрать обороты. На дороге появился джип с эмблемой Женевского Красного Креста и несколькими молоденькими монахинями на борту. Одна из них буквально поразила мое оцепенение от многочасовой, несносной жары воображением. Узнав, что причиной аварии автомобиля послужил разрыв приводного ремня, настолько старого, что ремонту он уже не поддавался, а запасного у африканского водителя, естественно (лишние расходы!), не было, она лихо стянула с себя колготки (до сих пор не пойму, зачем они нужны вблизи экватора; разве что в качестве средства защиты от насекомых?) и быстро пристроила их на место, предназначенное конструкторами для приводного ремня. Как ни странно, медленно и очень неуверенно, но наша застоявшаяся, будто сросшаяся с красной почвой саванны, машина все-таки сдвинулась с места. Чуть позже мы сообразили, что надежнее подцепить ее тросом к вездеходу, и дружно покатали в сторону легендарного заповедника.

Нгоронгоро — реальная модель «затерянного мира» Артура Конан-Дойля. Только не на труднодоступном горном выступе, а, наоборот, в громадном кратере давно погасшего вулкана. Среди отвесных стен внизу шла обычная для саванны зоологическая жизнь. Хищники охотились за копытными. Вторые, как могли, спасались от первых. Никто, кроме птиц (в основном, санитаров африканских прерий — марабу), не мог ни проникнуть в кратер, ни выбраться оттуда. В ясный день из специально оборудованного павильона с уютным кафе можно часами наблюдать естественную жизнь саванны в этом самом естественном из зоопарков мира. За порядком здесь следил чех Гржимек-старший. Его сын,

известный исследователь африканского животного мира, погиб во время аэрофотосъемок над Нгоронгоро. Память об ученом увековечена скромнымobeliskом с пропеллером того злосчастного самолета.

Лунная сюита

Я вспомнил о Нгоронгоро потому, что почувствовал аналогию между законсервированным во времени фрагментом зоологического мира и малым социумом масаев как сколком Африки первозданной, как остановленных в пространстве времени истоков человеческого бытия и мироощущения. И эпизод с масаем, встреченным мною в Серенгети, — подтверждение этой мысли. Примерно в тот же период американский этнолог Колин Тернбул в другом регионе Африки — среди влажных тропических лесов бассейна реки Итури — притока Конго попал в ситуацию, в принципе аналогичную моей, хотя внешне все выглядело как бы наоборот. Среди черной тропической ночи ученый, мучаясь бессонницей, вышел из палатки подышать свежим воздухом и столкнулся со странным, почти мистическим видением. Вначале ему в глаза бросилось освещенное пятно и какое-то движение в его центре. Приблизился и пригляделся. На залитой призрачным лунным светом редкой поляне посреди громадного тысячелетнего леса самозабвенно танцевал и припевал сам себе одинокий крохотный юноша-пигмей. Его обступили, будто молчаливые великаны, колонны деревьев, почти в сто раз выше самого танцора. Холодно-серебристый лунный свет играл бликами на его матово-коричневой коже. И среди всего этого волшебства — растворившийся в нахлынувших на него чувствах Человек, так удивительно гармонично слившийся с величавой в своей неисчерпаемости Природой, вступивший с ней в доверительный, по-своему интимный диалог, чем-то напоминавший исповедь в храме Вселенной. Будто всё это происходило на далекой звезде. Едва оправившись от изумления и выждав паузу, много повидавший на своем веку, всемирно известный профессор-африканист робко спросил юношу, почему же он танцует среди ночи один? Ответ поразил маститого ученого ничуть не меньше, чем само необычное зрелище: *«Разве я один? Я ведь танцую с Луной!»*.

Оставляя в стороне древнеегипетский культ Солнца, хочу сконцентрировать внимание на романтически-образной стыковке магнетического влияния Луны с определенными проявлениями

жизни землян в стихах деревенского паренька, ставшего известным поэтом. Во внешне космических мотивах его рифм пронзительно звучит язычески чистая земная притяженность: *«Звезды белые светятся, словно... поле созревшего хлопка».*

В стихотворении «Танец под Луной» она вдохновляет влюблённых. Они чувствуют ее присутствие и благотворное влияние, но танцуют все-таки друг с другом, как бы «при ней», но не с ней, в отличие от юноши-пигмея. Светлое время суток занято у земледельца заботой об урожае, когда приходится смотреть больше на землю, нежели на небо. А когда наступила пора отдыха и расслабления, взошла Луна, спутник веселья. Она солирует в гордом одиночестве на своей небесной поляне под аккомпанемент дунумбы — разновидности барабана. Возбуждая и энергетизируя людей, высвечивая серебром замысловатую атрибутику и временную последовательность ритуальных танцев и действий, снимая с психики людей стрессы дневного зноя, сплывая клан перед лицом нечистых сил, злых духов, наводящих священный ужас демонов, населивших крошечную тьму саванновых пролесков и грозной сельвы — тропических джунглей.

*«Дунумба под луной разразился, как гром.
Гаснет эхо в серебряном небе саванн.
Дунумба — это голос во мраке ночном,
в раскаленную кровь проникающий к вам!
Это лунное пламя скользит по траве,
по лиловому мрамору девичьих лиц,
по курчавой по круглой твоей голове —
поднимайся, танцуй, хохочи, веселись!
Дунумба, дунумба набухает во мгле.
Блещут бедра и груди в подлунной пыли.
Две руки — две змеи — припадают к земле
и взмывают к ночным небесам от земли.
Дунумба выбивает из бездны веков
эту пыль, и нечистую силу, и страх.
И косматые лица соломенных львов
скалят зубы, качаясь на длинных шестах.
Вдруг кончается танец. Молчит барабан.
Все застыли, приникли к земле.
Тишина. Только в небе, в серебряном небе саванн
одиноко и гордо танцует Луна».*

«Ганское» время

Время, наряду с пространством, ключевая координата человеческого бытия. Различные цивилизации по-своему воспринимают, используют,

организуют и осознают временные параметры жизнедеятельности. Время, как, скажем, и мутации, радиация, электронные воздействия, непосредственно не воспринимается органами чувств. У человека нет специального «органа времени». Оно абстрактно, в отличие от пространства, и имеет психофизиологическую опору в эволюционно молодом левом полушарии головного мозга — связанном со слухом речевом, мыслительном, оперирующем обобщенными понятиями.

Архаический образ жизни, истоки которого скрыты в таинственных глубинах процесса возникновения человека и человечества, везде и всегда предполагает необходимость решения проблем выживания племени путем организации деятельности людей в пространстве его обитания. Это связано с преимущественной активизацией и опорой на эволюционно более древнее, консервативное и устойчивое, правое полушарие, регулирующее зрительную и образную память, эмоции и фантазии, манипулятивно-конструктивную деятельность и вообще двигательную координацию и активность. Не является исключением из общего правила и африканская цивилизация.

Африканцем, не учившимся в Европе и не состоявшим на государственной службе, время и сегодня воспринимается под углом зрения достаточно комфортной «вписанности» в ритмы внешней природы и внутренней жизнедеятельности. Сроки сельскохозяйственных работ в родной деревне регулирует природа, а прием или поиски пищи инициирует голод, мысль об отдыхе — усталость. Нередко в африканских городах можно наблюдать такую сценку. Идет прохожий, потянулся, зевнул (от усталости или жара сморил), выбрал место в тенечке, бросил циновку (если она оказалась с собой), или, развесив на стоящие рядом стволы деревьев свой походный гамак (его обычно носят при себе бродячие певцы — гриоты), лег и уснул. Проснувшись, свернул свое «ложе» и продолжил прерванный сном путь...

Помню, будучи еще аспирантом, искренне удивился, прочитав в первом пункте «Кодекса бригад социалистического труда» одного из крупных государственных предприятий Республики Мали обещание приходить на завод каждый (!) рабочий день и, по возможности, не опаздывать. Между тем, для вчерашнего крестьянина-общинника — это довольно нелегкая психологическая проблема, связанная с правополушарной ориентацией мозга в условиях традиционной жизни, столь отличных

от заводской технологической дисциплины, и преобладанием вместо привычных родственных во многом обезличенных, опосредованно-административных отношений людей друг к другу. Тогда мне не было дано этого понять, но и вычитанная в западных журналах мысль о фатальной лени тропических народов никак не стыковалась ни с моими теоретическими взглядами, ни с небольшим, правда, тогда личным опытом.

На Всемирном социологическом конгрессе в Варне (1970), где я выступил с докладом на африканскую тему, западные коллеги стали подначивать меня различными вариантами самого популярного в те годы «тропического» анекдота. Лежит африканец под пальмой, отдыхает, размышляет, мечтает. Подходит европеец. Спрашивает: «Почему ты лежишь? Полезай на пальму, сорви орехи, отнеси их на рынок, продай. Потом купишь тележку, и прибыль твоя возрастет. Со временем приобретешь грузовичок, наймешь пару-тройку работников. Они будут срывать кокосы, возить их на рынок и продавать. А ты будешь лежать под деревом и смотреть в небо!» Ответ гласил: «Зачем? Я ведь и так лежу под красивой пальмой и люблюсь облаками!».

В другом варианте ситуация и начало диалога повторялись, но затем карикатурный африканец перевел разговор в другое русло: «Зачем напрягаться понапрасну? Подует ветер, и орехи попадают сами». — «А если ветра не будет?» — «Значит, неурожай!» О чем это свидетельствует? О непроходимой тупости африканца и заслуживающей восхищения деловой сметке европейца? О том, что безмашинный африканский крестьянин якобы противоестественно «предпочитает цивилизацию удовольствий цивилизации потребления»? Отнюдь! Просто логика первоначального накопления и обрамляющие ее «цивилизованные сказки» на сюжет «взял — удачно продал», «купил подешевле — ловко продал гораздо дороже» и т.п. построены на жестком диктате времени. И на необходимости во что бы то ни стало обогнать либо оттеснить конкурента, сильно противоречат африканской ментальности, а потому с большим трудом вписываются в обыденную психологию естественного течения времени.

Мой главный козырь в этих дискуссиях был чисто экономическим. В бельгийском журнале «Цивилизация», который чудом оказался в это время в моих руках, содержались конкретные выкладки, согласно которым, крестьянин Того, увеличивая

вдвое урожай и сбор зерен зеленого кофе, получал за свой труд прибавку всего в 1,5 процента по отношению к первой «половине» реализации своих производственных возможностей. Что же касается арахиса, то за идущий на экспорт продукт непосредственный производителю платили в то время всего 3,7 процента его реальной продажной цены.

Кстати, и сегодня многие европейцы, работающие на континенте, сетуют на трудности с соблюдением регламента труда на африканских предприятиях, констатируя неуклонную тенденцию безапелляционного вычитания из официального рабочего времени многочисленных племенных и общинных праздников, семейных и родственных событий. При этом они не вдумываются в глубоко аргументированные логикой иной цивилизации и по-своему мудрые обычаи демонстрации социальной консолидации. Недаром, у живущих в поистине нечеловеческих условиях векового мрака и тесноты тропического леса пигмеев — мбути время бодрствования распределяется на две равные части. Одна из них предназначена для «улаживания» отношений с кормилицей-природой (лесом), другая — друг с другом, между собой. Иначе им не выжить!

В обыденном сознании ведущего традиционный образ жизни африканца нет резкой разницы между работой и отдыхом. Ему подчас трудно определить, чем является для него участие в ритуальном мероприятии. По обязанности оно напоминает работу. Вместе с тем, это отнюдь не всегда ведет к восстановлению жизненных сил и приносит удовольствие, чтобы считаться полноценным отдыхом. Обыденное, реалистическое мироощущение африканца еще не отслоилось в полной мере, не дистанцировалось в достаточной степени от мифологических, потусторонних образов и представлений. Они как бы поддерживают, подпитывают друг друга, повышая степень ощущения жизненной устойчивости индивида и группы, с которой он себя идентифицирует. В традиционно-архаическом сознании до сих пор нет сколь-нибудь четкого представления о необратимости времени, его развертывании по оси от прошлого к будущему. Особенно отчетливо это проявляется в мифах и сказках, где события свободно, будто в специфической временной невесомости, перемещаются в обоих направлениях, напоминая пространственные миграции. Но главное действие происходит неизменно на территории, соперничество за которую и её перераспределение по новому принципу высту-

пают основой фабулы конфликта положительных и отрицательных героев, сил добра и зла.

Но и на уровне бытового менталитета прошлое отнюдь не потеряно для современников. Оно находится с ними в неразрывном единстве. Настоящее может влиять на прошлое, в частности, на благополучие и покой ушедших в небытие поколений путем жертвоприношений, весьма скрупулезного соблюдения длинной череды традиционных обрядов и иных церемоний в их честь. Границы между прошлым и настоящим здесь очень зыбки и условны. Они не только прозрачны, но проницаемы.

Вместе со своими местными друзьями мне неоднократно доводилось слушать самозабвенное исполнение старинных монотонных баллад и сказаний бродячими поэтами и сказителями, носящими в Западной Африке название *гриотов*. Их особенно много в Мали, Сенегале, Буркина-Фасо, Гамбии, Нигере и других странах, расположенных по южной кромке Сахары. Слух европейца фиксирует обычно лишь мелодию и протяжный речитатив. Текст в переводе с бамбара кажется достаточно простым, довольно бесхитрым сказанием о мудрости и мужестве предков. Но для африканца баллада гриота — это действие, переносящее его в «красивое далеко». Позволяющее ему воочию увидеть сквозь задумчиво прикрытые глаза события той поры с отчетливостью их непосредственного участника. По сути дела, для него «побывать» таким образом в прошлом — почти то же самое, что для интеллигентного европейца посетить библиотеку или подключиться к Интернету.

Разброс систем архаического времяисчисления весьма широк. Это может быть простая веревочка с узелками, предназначенными для того, чтобы точно в срок объявить о каком-то конкретном посюстороннем событии, не пропустить праздника или ритуальной «встречи» с душами предков. Еще интереснее — параллельное существование в традиционном календаре малых (иногда четырехдневных) недель, называемых ярмарочными, и больших (нередко восьмидневных) недель, включающих также рабочие дни. Другая шкала — подсчет сухих сезонов (обычно с их помощью фиксируют свой возраст деревенские старики), от которых — всего шаг к понятию календарного года и европейской системе определения времени. К их принятию склонна в первую очередь молодежь, особенно в городах, где есть телевидение, кинотеатры, дискотеки, клубы, кафе, другие

увеселительные заведения и мероприятия, функционирующие в ритмах западных стандартов.

И все-таки для подавляющего большинства африканцев восприятие времени менее значимо и менее развито, нежели на удивление великолепная ориентация в пространстве, которую можно без преувеличения назвать прирожденным «чувством местности». Представления же о времени обычно небогаты впечатлениями и ассоциациями, как бы «сплющены» до подчас элементарного различия того, что было, — «давно», и того, что есть, — «сейчас». Еще сложнее обстоит дело с размытостью границы между «сейчас» и «потом», затрудняющим планирование даже самого ближайшего будущего.

Чего стоит, например, ставший уже притчей во языцех феномен пресловутого «ганского времени»! Выступая дежурным объектом местного юмора, он заключает в себе одну из самых тягостных, подрывающих структуру партнерского общения местных традиций.

Опоздания на несколько часов, а то и дней, воспринимаются как вполне естественные, простительные, с улыбкой, скорее добродушной и лукавой, нежели виноватой и извиняющейся. И практически всегда у опоздавшего или пропустившего встречу находится весьма оригинальное, обычно неожиданное для европейца, и вполне убедительное, с точки зрения африканца, объяснение. То, что в школьные годы в устах завуча звучало как «уважительная причина». Но если фантазия неаккуратных школьников и нерадивых студентов вращалась в довольно замкнуто-ограниченном круге типичных псевдопричин (болезнь, транспорт, неинформированность, забывчивость), то этого никак не скажешь об африканцах. Например: крохотная дочь уснула у меня на руках, и жалко было ее перекладывать на «неодушевленную» кровать; я отдыхал, набираясь сил перед долгожданной встречей, и нечаянно задремал; я настолько тщательно готовился к встрече и вчитывался в документы, которые предстояло обсудить, что даже забыл взглянуть на часы. И так до бесконечности...

Один пожилой бизнесмен, в прошлом министр финансов своей страны, обратил мое внимание на то, что когда он отправляется на деловое свидание непосредственно из своего офиса, то безусловно пунктуален. Если же из дома, то непредвиденные задержки почти неизбежны. Скажем, зашел спонтанно кто-то из поистине бесчисленной родни. Не уделить гостю внимания — позор. К тому же ты (то есть, я) скоро уедешь в свою Москву, а большущая

семья и ее мнение обо мне останутся навсегда, перейдут к детям, внукам. Этим шутить нельзя!

Впрочем, было бы несправедливо данный, с позволения сказать, обычай связывать только с Ганой и средой простых людей. Помню, в рамках конференции ООН в столице Республики Нигер городе Ниамее меня как человека, представлявшего Россию, попросила о встрече делегация Республики Чад. Дата и место встречи были обозначены безукоризненно точно (так, по крайней мере, наивно полагал автор этих строк): вторник, 15 часов, конференц-зал или мой номер гостиницы, где жили все иностранные делегаты. ...Прошел вторник, миновала среда. В четверг по пути в бассейн (в соответствующей одежде) встречаю чадскую делегацию в протокольных костюмах и галстуках, несмотря на пятидесятиградусную жару. «В чем дело?» — «Но ведь мы договорились о встрече в три часа дня!» — «Правда, уже четверг?!» Но во вторник мои партнеры, оказалось, утомились во время поездки по местному участку трассы авторалли «Париж — Дакар», ведущему к одному из объектов обсуждения. В среду было что-то еще. Но уж в четверг, накануне завершения конгресса, они исхитрились выбраться на инициированные ими же переговоры, именно в 15.00. Разумеется, об изменившихся планах никто не позвонил, не известил. Даже извинения по этому поводу гости буквально выдавили из себя, явно следуя скорее европейскому этикету, нежели внутренней потребности.

Важно подчеркнуть, что такого рода эпизоды отнюдь не следует трактовать как акты легкомыслия или пренебрежения, злонамеренные козни, глубокомысленное желание что-то подчеркнуть. В них нет ничего, кроме того, что в них есть. Просто срабатывает принцип, характерный для иной, по своему мудрой цивилизации: время для человека, а не человек для времени! Действительно, в условиях небольшой деревни бесхитростная формула встречи «на днях, после обеда», наверняка, устроила бы всех потенциальных участников беседы. Здесь же, в пятизвездочном отеле, в рамках международного мероприятия, близкий сердцу алгоритм малой родины, впитанный с молоком матери, был с немалым усилием адаптирован к «уставу» другой, по сути дела, чужой, хотя и провозглашающей себя универсальной, цивилизации.

Часто оказываясь жертвой этого обычая (кстати, не столь уж отличного от родных российских привычек небрежного отношения к чужому времени: недаром в Малом театре занавес уже 100

лет поднимают ровно на 10 минут позже времени, указанного на афише), я попытался разобраться в ситуации с психологической точки зрения. Вскоре стала выявляться некая хрономаргинальность, своего рода раздвоение времени (недели, дня, вечера) интеллигентного африканца на традиционное и современное, европеизированное, как правило, с заметным психологическим приоритетом первого по отношению ко второму. Беседуя в офисе, имеешь дело с партнером, подчас ничем, кроме внешности, не отличающимся от соотечественника в подходах к делу, лексике, стереотипах делового общения. Но, попадая к нему домой, нередко ощущаешь какой-то вневременной синдром «одиночества в толпе», чувствуешь себя неким странником в незнакомой пустыне, воистину затерянным в вяло текущем потоке приходящих и уходящих родственников, соплеменников, земляков, односельчан, ровесников, друзей и знакомых, а то и просто любопытных соседей. Ты непрерывно с кем-то раскланиваешься, кому-то пожимаешь руки, обмениваешься парой-другой любезных фраз и беспрерывно улыбаешься в ответ на непритворный интерес к тебе. Этот калейдоскоп белозубых лиц, непривычных имен, трудно постижимых степеней родства создает совокупный образ определенного слоя данного общества или этноплеменной группы, к которой принадлежит хозяин.

Поначалу купаясь в лучах бескорыстного внимания, вскоре начинаешь ощущать некую формальность происходящего, своего рода скольжение по поверхности процесса общения. Безбрежная приветливость становится безадресной, как у стюардессы трансконтинентального авиалайнера... И все-таки согласитесь: продиктованные неумолимым обычаем вежливость и внимания к гостю — не пустая трата времени, а выверенная веками житейская мудрость. Ведь превентивное урегулирование межличностных и межобщинных отношений гораздо практичнее, нежели расхлебывание стихийно вспыхнувших либо спровоцированных, навязанных кем-то извне или изнутри конфликтов.

Маргинальность восприятия и использования времени интеллигентными африканцами нередко сочетается с параллельным исполнением социальных функций и некоторых ритуально-протокольных формальностей, взятых из разных актов всемирной пьесы по имени «История». Причем, их действие могло протекать на разных континентах. Но в современной Африке они вполне могут встретиться в судьбе, жизни и деятель-

ности одного человека. Как-то во время моей работы в Замбии членом парламента этой страны была избрана образованная эlegantная молодая женщина. Вскоре скоростижно скончался ее дядя по матери, вождь авторитетной этноплеменной группы. Так вот она, унаследовав его титул и «трон», пять дней в неделю жила в европейском ритме парламента. А на период уик-энда облачалась в изысканное традиционное бубу и исполняла нелегкие и весьма отличные от парламентских обязанностей функции племенного вожды, тем более что депутатом она была избрана по своему родному избирательному округу.

Словом, подобно моему давнему знакомому, экс-министру правительства Ганы, она, да и многие другие образованные африканцы, как бы раздваивают личное время. На *прошлое, традиционное, виртуальное и ритуальное, ориентированное на процесс деятельности* в роли вожды племени. И на *современное, вестернизированное, символическое, астрономическое, ориентированное на результат деятельности*. Нацеленное на новаторство, устремленное в будущее, связанное с планированием и активностью в достижении поставленных задач в качестве государственного деятеля. Такая «двойная жизнь» представляется социально-психологическим аналогом элементарных частиц с периодически меняющимся направлением времени, несущих в себе виртуальную возможность двух его не просто скоростей, но и векторов. Во всяком случае, эта модель очень напоминает маргинальную хронопсихологию африканского интеллигента, функционирующего в двух временных измерениях и эпохах сразу или попеременно.

Впрочем, Карл Юнг пришел к выводу, что не только в морфологии, но и в психике, под черепом наикультурнейшего человека дремлет целая череда первобытных предков, в принципе всегда готовых «ожить» и как-то заявить о себе во внезапно возникающих экстремально-стрессовых ситуациях. Новейшие достижения в исследовании головного мозга подтверждают эту гипотезу. В традиционном сленге будущее время нередко интерпретируется в терминах, строго говоря, пространственных. Например, масай, имея в виду нечто, еще не состоявшееся, но достаточно достоверно предстоящее, говорит ребенку: «*Давай посмотрим, что за углом, малыш!*», хотя ни в саванне, ни в масайском варианте хижины — круглом (вроде чукотского чума) краале углов, как таковых, просто-напросто нет.

Лучшая новость — отсутствие новостей

Неоднократно беседуя с интеллигентными африканцами, я постепенно приходил к выводу, что одним из факторов недооценки перспектив будущего был связанный с ним риск нового, непредсказуемого (пока ловишь журавля в небе, можно остаться без синицы в руке). Этому способствовала специальным образом организованная «информационная переработка» прошлого в сторону искусственной героизации и его, как такового, и действующих в лоне того времени лиц. Загадка — в другом! Почему абсолютно все предки оказывались неизменно мудрыми и самоотверженными, великими и величественными, добрыми и заботливыми? Неужели среди них не попадались (хотя бы исходя из теории вероятности) дураки, дебилы, трусы, жадные, жестокие, и наконец, просто люди, принимавшие ошибочные, пагубные для остальных решения?

Эти мысли десятилетиями, как назойливые мухи цеце в знойный день, мешали адекватно воспринимать традиционные исторические хроники. Что-то в них всегда было не то или не так. Какое-то явно приглаженное и припудренное прошлое с идеализированными действующими персонажами, подчас могущими состязаться в благородстве, бескорыстии и всесии с богами. Но кто же в древности и как начал осуществлять эту первобытную цензуру? Откуда, как и почему она вообще появилась? И вот я получил в подарок исторический роман «Победитель чанков», принадлежащий перу молодой писательницы Анастасии Эспинель Суарес. И хотя действие книги происходит в Андах эпохи инкской империи, мне стали яснее африканские сюжеты.

Герой произведения — храбрый воин и юный правдолюбец, воспитанный в изгнании, среди простых пастухов, выясняя причину столь ожесточенного нападения на столицу инков Куско некогда покоренной его прославленным дедом, вдруг узнает от поверженных, раненых и уже обезоруженных врагов, что их предки завещали достойно отомстить за невероятную даже по тем суровым временам жестокость инкских полководцев. Тогда любознательный юноша обращается за разъяснениями к очевидцам и участникам того, бывшего, завоевания. Они нехотя подтверждают показания пленных. Естественно, возникает вопрос: почему устные исторические хроники дают совсем иную фабулу конфликта и картину событий?

«— Так значит, в рассказах пленных чанков больше правды, чем в речах самого честного из наших

амаут? — лукаво улыбнулся Пачакутек. — Значит, воины Явара Уакака и в самом деле были так свирепы, как рассказывают о них чанкские предания?

— Дело не в свирепости кусканцев, а в том, что Инка Явар Уакак не выносил ни малейшего сопротивления — ни в битве с врагом, ни в спорах с друзьями. Временами его охватывала такая дикая слепая ярость, что он все крушил и ломал на своем пути, но ведь придворные запоминальщики обязаны помнить только добрые дела Сапа-Инки...

— А чанки? — почти шепотом спросил потрясенный Пачакутек.

— Эти люди пумы сумели доказать, что именуют себя так не из пустого бахвальства. Они не покорились пришельцам и, конечно, вызвали бешенный гнев Явара Уакака. После его нашествия все марки Анта-Вальвы лежали в руинах, некогда прекрасная страна обезлюдела, и целые стаи кондоров кружили над усеянной трупами долиной³.

Словом, бесписьменным коллегам воспетого Пушкиным монастырского старца-летописца Пимена было легче, сподручней и безопасней корректировать историческое время царств и побед, в угоду жестоким правителям наделять их, под угрозой впасть в немилость, от чего до расправы было рукой подать, исключительно положительными, благородными, богоподобными чертами. Вторым фактором почти патологической боязни перемен была реальная деструктивность подавляющего большинства экзогенных воздействия на естественное развитие различных очагов самобытной африканской цивилизации. Потому даже назревшие перемены, которых, буквально вопия, требовало время или неожиданно сложившаяся нештатная ситуация, могли реально осуществиться только путем тщательной маскировки под соответствующим образом интерпретированные «заветы предков». В противном случае правитель подлежал всеобщему осуждению и процедуре вполне законного отстранения от трона за попытку изменить традиционный уклад жизни либо пренебречь мнением совета придворной знати и старейшин. Устойчивый комплекс осторожности по отношению к пока не свершившемуся, а потому еще не известному будущему, инстинктивная боязнь изменений, которые оно может с собой принести, подпитываются интуитивным ощущением тупикового развития и неизбежного коллапса ны-

нешней вестерн цивилизации. Как бы не оказаться в кювете Истории вместе с ней?!

В такой ситуации для африканца, погруженного в традиционный образ жизни, ограниченный, но надежный, лучшей новостью вполне может оказаться отсутствие новостей. Это резко отличается от евро-американской оценки времени, связанной со степенью насыщенности того или иного астрономического периода событиями, действиями, переживаниями, успехами и прибылью. Характерный штрих: американец и европеец обычно осведомляются при встрече: «Как дела? Ты — в порядке? Что нового?». Африканец интересуется, по сути дела, тем же, но в совершенно иной нюансировке: «Всё хорошо? Всё по-прежнему?».

Тенденцию африканского духа к стабильности, равновесности, балансу всех сторон бытия очень образно выразил через понятие *туду* известный мальгашский философ и политический деятель (в то время Председатель Национальной ассамблеи и мэр столицы) профессор Ришар Андриаманзату. По его авторитетному мнению, в этом несущемся с сумасшедшей скоростью и уже потерявшем эффективное самоуправление мире нет ничего надежнее и практичнее, нежели следовать выверенным временем маршрутам поведения мудрых предков. Недаром их старательно вырезанные из дерева фигурки (нечто подобное — изображение лика усопших в дереве — я встречал, правда, и на литовских хуторах) обычно по периметру украшают специальное ритуальное возвышение над каждым семейным склепом.

Тем более, что все в мире возвращается, в конце концов, на круги своя. И традиционные народные этические ценности, моральные принципы фукунулуны, древние эстетические представления и даже вековые, замшелые, языческие обычаи, казалось бы безжалостно девальвированные тлетворным влиянием грубо-ковбойской вестернизации, будто всплывают из глубин прошлого, чтобы вновь и вновь демонстрировать свою непреходящую жизненную ценность, гуманизм и человеколюбие, неизменную ориентацию на баланс интересов и консенсус как старинную форму превентивного предотвращения конфликтов среди «своих» и с окружающей природой.

Будучи пастором и поклонником великого католического ученого — аббата, археолога и философа Тейяра де Шардена, одного из создателей концепции ноосферы, автора всемирно известной книги «Феномен человека», Ришар Андриаманзату

³ Суарес Анастасия Эспинель. Победитель чанков. Исторический роман. Ашгабат. «Ылым», 1995. С. 185.

полагает, что главная задача человека и человечества — не нарушить, не дай Бог, хрупкую равновесность Универсума — Вселенной как божественного творения. Такая беда, в результате неосмотрительности, неосторожности и тем более умысла, неминуемо скажется не только на самом нарушителе, но и на его близких, потомках и предках, чуть ли не на всем человечестве и всей живой природе⁴.

Что-то созвучное древнейшим пластам буддизма и еще более глубинным тотемическим представлениям первопредка, буквально слитого с мировым Порядком, фундаментом и хозяйкой которого является Природа. А человек — лишь гость в ее доме, в лучшем случае — актер в любительской пьесе с себе подобными, которая разыгрывается на фоне естественных декораций, априорно нуждающихся в безупречно бережном отношении к себе. Такова специфическая логика адекватной адаптации к Природе и миропорядку, созданному, выверенному и завещанному мудростью предков, в принципе исключая ориентацию на активность и тем более конфликтность по отношению к ним. Прометей и Адам с Евой, следуя такой концепции, — в одинаковой мере отступники и даже преступники-воры, поделом наказанные Судьбой.

Беседуя с пастором Ришаром, я долго и мучительно силился добраться сквозь дебри благочестивых христианских поучений, до того, что лежит под покровом католических догм, на психологическом «дне» традиционной мальгашской этики покоя, созерцательности, отстраненности от проблем и противоречий реальной жизни, невмешательства в естественный ход событий. Ведь это так контрастирует с некогда бурным европейским темпераментом эпохи Ренессанса и пассионарностью, открытой Львом Николаевичем Гумилевым, а также с активной политической деятельностью моего собеседника и автора книги, суть которой вместе с собственными ассоциациями я вновь пытаюсь уяснить и прояснить для себя, на этот раз вместе с читателем.

К чему же я прихожу?

Во-первых, сохранение гомеостаза, status quo, незыблемости веками апробированного порядка вещей, обычаев и запретов имеет функцию, прежде всего предохранительную. Как бы чего не

вышло?! Чеховский Беликов, “человек в футляре”. Только из другой эпохи. Гарант тянущихся из глубин истории представлений о мире и жестких норм отношения к нему. Чтобы не задеть, не дай Бог, нечаянно, а тем более по злему умыслу (в духе героев древнегреческих трагедий, бросающих вызов богам, а потом караемых Свыше) что-то сокровенное, заветное, запретное, таинственное, лучше и надежнее всякого замка “запертое” на безоговорочно неумолимое табу.

Представляя себе психику индивида в традиционном обществе, отчетливо вижу ее интригующую амбивалентность. Крохотный пигмей с ножом, который он как-то выменял за три лукошка меда диких пчел у высокорослых соседей банту, а за неимением его с заостренной костью или остро сколотым камнем, предварительно намазавшись свежим пометом слона, мужественно подкрадывается с подветренной стороны к гиганту джунглей, чтобы перерезать сухожилия его ног. Изящный малай с небольшим ассеем ищет встречи с хозяином саванны львом и радостно бросается в рукопашное единоборство с ним. И вместе с тем, во всем, что касается потусторонних дел, эти отчаянные храбрецы (кстати, сами себя они таковыми вовсе не считают) в буквальном смысле до смерти боятся дурных примет, колдовских чар и нарушения табу.

Когда-то, будучи студентом, я купил у букиниста книгу доктора Бутце “В сумерках тропического леса”. Событие, которое меня потрясло так, что помню о нем до сих пор, случилось прямо на глазах немецких ученых где-то в Лесной Гвинее. Члены экспедиции из самых добрых побуждений угостили местного подростка гречневой кашей, которая осталась после ужина. Паренек с удовольствием расправился с ней и был вполне доволен жизнью. Пока не узнал, что прежде в этом именно горшке хранили бананы — табу для его племенной группы. Шок был настолько велик, что, несмотря на все старания врача и ученых, мальчик в страшных муках скончался у них на руках.

Обладая чрезвычайно лабильной психикой перед лицом Неизвестности, не оторвавшийся окончательно от первобытности человек, естественно, испытывает робость перед всем новым и неуверенность в позитивных результатах новаторства из-за неопределенности результатов и непредсказуемости затрагиваемой при этом цепочки связей Универсума. Что-то вроде опасения феномена больших (подчас, лавинообразных) следствий исходно малых причин (от слова: причинять). И вызывает

⁴ Andriamanjato R. Le Tainy et le Tudu dans le pensee malgache. Antananarivo, 1982. P. 83.

ассоциацию с сюжетом одной из шотландских баллад, популярной у нас, благодаря удачному переводу Самуила Маршака. Вы, наверняка, помните ее знаменитый рефрен: «Потому что в кузнице не было гвоздя!» Из-за такого пустяка случилось немало неприятностей. Например, пало вполне крепкое царство. Другой аспект «пралогического мышления» человека, живущего в условиях и ритмике первичного социума, — явное преобладание логики совпадений над присущим евро-американской культуре принципом естественнонаучной казуальности (причинности). В любой случайности он видит чью-то волю, промысел или умысел. Отсюда — крайняя консервативность. Стремление делать то, что делали до него, не особенно задаваясь вопросом: «Зачем?» В такой ситуации любая инициатива может оказаться наказуемой. Юнг описал в Восточной Африке простой, но весьма колоритный сюжет. Некий миссионер соорудил перед своим домом флагшток, чтобы по случаю праздника водрузить на нем британский флаг. Далее мне трудно удержаться от того, чтобы процитировать знаменитого психолога: *«Эта невинная затея могла обойтись ему очень дорого, так как некоторое время спустя после его крамольного поступка разразилась опустошительная буря, которая, разумеется, была соотнесена с флагштоком»*. Поэтому всякое новаторство следует тщательным образом закрепить мощным якорем традиций, выявить в нем тенденцию «возвращения славного прошлого», нечто вроде гегелевского закона отрицания отрицания, только «опрокинутого» назад, к былому, которое, преодолевая нынешнее смутное время, необходимо воссоздать и сохранить на будущее.

Когда на Мадагаскаре была провозглашена социалистическая ориентация развития, суть последней понималась руководителями страны и тем более простыми людьми (в чем у меня была возможность убедиться самому) не иначе, как восстановление и оживление поруганной колонизаторами местной общины — фукунулуны, оплота традиций и духовности малагасийского этноса. На первый взгляд формула *«будущее — в прошлом»*, преобразованном с учетом позитивных достижений человечества, весьма удачно схватывала связь времен на историческом перекрестке, где волею судеб оказался крупнейший из населенных островов планеты — романтичный и благоухающий Мадагаскар.

В обыденной жизни связь и круговорот времен малагасиец видит в том, что ныне живущие, оказывая почести и жертвоприношения (разуме-

ется, не человеческие) умершим, способствуют их благополучию в мире том. В свою очередь, прозорливые и благодарные предки при необходимости обязательно придут, обычно по зову колдуна, с советом и помощью не только к нынешнему поколению, но и к тем, кто еще не родился. Мало того, предки не сбрасывают со своих плеч и другие проблемы, стоящие или встающие перед потомками всех колен, включая заботу о сохранении для них флоры и фауны, миропредставлений и ритуалов. Ибо только все вместе они владеют богатствами и решают проблемы родной земли, а потому сама мысль о возможности ее раздела и приватизации — кощунственна. Иное дело быть собственником кустов и деревьев, растущих на общей земле: ведь в их выращивание и уход за ними вложен труд конкретных индивидов и семей. К тому же они не вечны, со временем уходят, как и люди, в отличие от неподвластной времени традиционной собственности на землю.

Здесь вспоминается очень показательный эпизод. Известный золотопромышленник-россиянин решил развернуть бизнес в Южной Америке. Следуя так называемому международному (на деле, европейскому) менталитету и праву, он оформил долгосрочную аренду территории в центральных органах власти. Но индейцы считали землю исконно своей. Когда на ней появились чужие люди, не соизволившие нанести визитов вежливости касикам (вождям) с разъяснением цели своей деятельности, индейские снайперы обрушили на пришельцев град стрел, стараясь при этом никого не задеть. Однако, россияне, не поняв достаточно прозрачного намёка и не желая вдаваться в тонкости дикарской этики, обратились в полицию и суд. Одновременно они начали строительство дороги к будущему прииску. Днём провели расчистку просеки, а ночью индейцы высадили на месте будущей дороги саженцы бананов. Утром бульдозеристы по команде своего начальства срезали их ножами своих машин. И тогда аборигены подали в суд гораздо более обоснованный встречный иск, ибо собственность на землю, распоряжение которой формально может принадлежать государству, принципиально отличается от собственности на деревья и кустарники, регулируемую частным вещным правом. Запутанность ситуации спровоцировала россиян на эксцессы, в конце концов, вынудившие их бежать из страны, бросив технику и надежды на «цивилизованный» бизнес в диких краях. Аборигены переиграли европейских юристов по всем статьям, а к

этнологам глава фирмы обратился лишь по завершении инцидента, желая получить сочувствие в осуждении «беспросветных» дикарей.

Иногда ностальгия по прошлому, тенденция «оглядки назад», на уже знакомое или ещё привычное, пока что не изгладившееся в памяти ныне живущих поколений, принимает остросюжетную драматическую форму столкновения и своего рода конкуренции двух «прошлых»: совсем близкого, буквально вчерашнего, и относительно отдаленного, как бы позавчерашнего. Вряд ли вне связи с характером африканского менталитета может быть адекватно объяснен довольно типичный для континента феномен конституционного возвращения на свой прежний пост президента, всего пять лет назад отвергнутого при голосовании собственным народом, а затем вновь затребованного им же. Так произошло с Дидье Рациракой на Мадагаскаре (впоследствии свергнутым народом) и Метье Кереку в Бенине. Под этим углом зрения обвальное свержение Мобуту в Заире выглядит как реализованная память о светлом образе бескорыстного и страстно любившего свой народ, выходцем из низов которого он был, незабвенного Патриса Лумумбы.

Впрочем, логика возврата к «источнику предков» не является панацеей от всех возможных конфликтов. Мир слишком переменялся. Поэтому фаталистическое цепляние за традиции ради сомнительного по большому счету комфорта исторически затвердевшей ментальности отнюдь не однозначно выступает фундаментом социальной стабильности, как в далекие времена. Напротив, оно может стать почвой регрессивных процессов, а подчас и кровавых столкновений между сторонниками «разного» прошлого. Историческое время трудно, болезненно и очень рискованно поворачивать назад. Стрелки Часов Истории могут не выдержать таких волюнтаристских метаморфоз, сломаться и ввергнуть целые народы, страны и регионы в пучину кроваво-трагического безвременья. Недаром, в обыденном сознании африканца до сих пор превалирует модель баланса, равновесия, согласия.

Безвременно ушедшая из жизни, талантливая и обаятельная Ирина Синицына справедливо обратила внимание на защиту обычным правом природы, в частности, бережного отношения к животным, как к домашним (за жестокое отношение к ним владелец получал от нарушителя крупную компенсацию, а вождь солидную сумму штрафа),

так и к диким. Надзор за фауной осуществляется в традиционных обществах Африки специально выделенными для этого людьми. На них возложена функция сбережения природы от возможных негативных воздействий в течение всего времени жизни данного поколения. Смысл самоотверженной деятельности этих первых в истории человечества профессиональных «зеленых», покрытой пеленой символов и ритуалов, реально состоял в том, чтобы в максимально неизменном виде передать благодарным потомкам экологическое наследие, оставленное трудолюбивыми, заботливыми, почитавшими природу предками. Аналогичным было отношение к тотемным породам лесных деревьев у древних германцев, сохраненное их жрецами-друидами. Не вызванное крайней необходимостью сдирание коры с таких деревьев приравнивалось к покушению на жизнь человека и нередко каралось, исходя из этого критерия.

Иными словами, в Тропической Африке для сотен миллионов людей сегодня новации не столько притягательны, сколько нежелательны. Они отпугивают, ибо неизбежно предполагают риск нарушения заведенного мудрыми предками «нормального» порядка вещей. Только с позиций тянущегося из глубин истории африканского менталитета понятен так называемый танзанийский прецедент. На всенародных выборах кандидаты, обещавшие избирателям изменения, направленные на улучшение их жизни, неизменно проваливались. Напротив, депутатами становились защитники традиций предков, консерваторы. Во многом по аналогичной причине отложенный спрос и отсроченное потребление, предоплата и хранение продуктов на условиях консигнации, кредитование, дача в долг и жизнь в займы, столь типичные для Запада, почти не известны Африке. По крайней мере, за пределами городов, в основном, столичных и портовых.

Африканское «прочтение» Декарта

Специфическая слитность времени африканца с процессом непосредственного общения буквально поражает. Мои впечатления по данному поводу сводятся к перефразированному афоризму Декарта: «Я общаюсь, следовательно, я существую» (для своего партнера, по крайней мере). Но вот я ушел, уехал, улетел, перестал быть чувственно воспринимаемым. Мой образ постепенно (и довольно быстро) вытесняют другие, более яркие, свежие,

актуальные эмоциональные впечатления. Правое полушарие — арена пиршества чувств. Факсы, телефонные разговоры через тысячи километров до неузнаваемости искаженным голосом — это европейский суррогат истинного общения, лишь смутное воспоминание о совместно задуманном, бледная тень моего совсем недавно столь эмоционального образа. А какие дела можно всерьез обсуждать с «тенью»? И вот, спустя сколько то дней, недель, месяцев я появляюсь вновь. Сколько истинной, неподдельной радости и жажды совместной деятельности! Все вновь приходит в движение, как правило, с той самой точки, на которой оно остановилось в момент нашего расставания.

...Шли годы, менялись страны, города, партнеры. Но этот суровый алгоритм действовал с неумолимостью закона всемирного тяготения. Может быть, потому что при непосредственном и неформальном общении восприятие времени отходит на задний план, забивается эмоциями? И вообще доминантное в африканской цивилизации правое полушарие задействовано при этом в гораздо большей степени, нежели при телефонном разговоре и уж конечно, при чтении плохо пропечатанного факсимильного сообщения.

Представителю промышленного Запада провинциальный африканский мир «без времени» кажется неправдоподобным, как бы вызывающе подчеркивающим противоположность традиционного и современного социумов, причем отнюдь не во всем в пользу последнего. Проблема психологического освоения времени вовсе не так проста, какой кажется на первый взгляд. Ведь если в индустриальном обществе даже дети умеют обращаться с часами и рано различают разные отрезки времени, а ритм жизни нашего вечно спешащего общества требует от бизнесменов, чиновников и многих других категорий населения скрупулезно расписанного плана на каждый день, то в Тропической Африке — картина совершенно иная. Там даже некоторые президенты (например, ныне покойный лидер Буркина-Фасо капитан Томас Санкара) позволяют себе демонстративно отвергать ношение ручных часов. Более того, дарить часы в странах Тропической Африки — дело тонкое, деликатное и нередко эмоционально рискованное, а в ряде случаев даже — откровенно неприличное.

Объяснение может показаться европейцу абсурдным, юмористическим и даже потусторонним. Для африканца же оно естественно, как всё, что находится в привычном ему круге миропредстав-

лений. Его логика может быть примерно такой: как это чужой «неживой» предмет будет регулировать естественный ритм жизни вольного человека?! Указывать ему, когда и что делать, контролировать, регламентировать извне, не будучи ни вождем, ни старшим родственником, по сути дела не кем, а чем? Вдобавок к непрерывному тиканью, необходимо следить, чтобы часы не стали (заводить, менять батарейку). Ведь они и так могут раздражать уже тем, что прямо или косвенно заставляют сосредоточиться на чем-то мало приятном, тягучем и тягостном из «новых» видов деятельности, например, абстрактно-логической, коммерческой, административной и т.д.

Однажды я неосмотрительно подарил командирские (модные тогда у нас) часы, предназначенные десантникам, этническому «королю» региона Сомания в Гане. Тактичный хозяин, чувствуя мою искренность, виду не подал, держался спокойно, как бы демонстрируя вежливое равнодушие и снисходительную терпимость к нелепому сувениру. Обидевшийся на меня карлик (при входе он предложил помочь мне донести до хижины-резиденции мой кейс, а на мою реплику насчет его тяжести гордо заявил, что он сильный), расположившийся на маленьком раскладном стульчике у ног своего повелителя, ехидно улыбнулся. Жены «короля», сидевшие за его спиной, рассеяно смотрели по сторонам, будто избегая заглянуть в коробочку, хотя любопытство явно не было им чуждо. И лишь «спикер» с посохом черного дерева, увенчанным литой из чистого золота фигуркой крокодила, вежливо и чисто метафорически выразил от имени вождя и всех присутствующих общее недоумение весьма косвенным, казалось бы весьма далеким от характера возникшей ситуации вопросом: *«Почему уважение к королю гость не выразил преподнесением ему парашюта, избраженного на циферблате?»*.

Смягчить такого рода неловкость может, правда, позолоченный корпус часов. Но в таком случае подарком становится, по сути дела, красивая блестящая на ярком экваториальном солнце вещь, эстетическая ценность которой совершенно явно забывает функциональную предназначенность хронометра. Когда-то цыганские бароны в российской глубинке любили щеголять изысканными карманными часами «без требухи» как модной принадлежностью к традиционной жилетке. Ведь спешить им, цыганам, как и сегодня многим нашим современникам-африканцам, было некуда, да и не-

зачем. Дух вольности и ветер свободы, будучи даже кажущимися, несовместимы с любой регламентацией и властью, в том числе диктатом времени, ассоциируемом с часами.

Как-то на знаменитом «деревянном» рынке Маколо в центре Аккры местные лоточники и корбейники сдали полиции, которую они, как все полукриминальные торговцы мира, мягко говоря, недолголюбивают, русского парня из Челябинской области. За что такое негостеприимство? Отнюдь не из соображений конкуренции: наш земляк не знал ни местных обычаев, ни языка, путался с затертым разговорником, выглядел отчаявшимся и растерянным одновременно, а потому соперничать с людьми, для которых именно этот рынок был важнейшей составной частью их жизни, естественно, не мог и на это не претендовал. Его арестовали за нарушение инвестиционного кодекса. Он запрещает иностранцам четыре вида деятельности: торговлю с лотка (мелкую розницу), содержание «салонов красоты» (иногда это — всего лишь зеркало, прикрепленное к стволу баобаба, да табуретка в тени его ветвей и разложенные прямо на траве нехитрые инструменты бойких коллег неунывающего Фигаро), изготовление строительных блоков и извоз при наличии менее десяти автомобилей?

Но кто же на рынке ориентируется на законы, принимаемые в недалеко расположенном здании парламента людьми, которые никогда или, по крайней мере, очень давно на рынке не бывали, разве что сопровождая иностранных друзей, когда сами, как иноземцы, пялят глаза на лотки и лавки, будто в зоопарке? Дело в том, что уралец торговал часами, предметами, в которых был заключен некий двойственный для традиционного сознания смысл. Вещь должна служить человеку — своему хозяину, а эта пытается ему диктовать, указывать, что и когда надо делать. А надо ли вообще по ее указке что-то делать? Желтые часы с вделанными в корпус цветными стеклышками раскупили мигом сами завсегдагаи рынка по дешевке, пока парень еще не адаптировался к логике местного базара. А когда остались часы только в белом корпусе, кликнули стражей порядка. Украшение — это одно. Часы — нечто другое. И земляк оказался в полицейском участке. Там он и рассказал пришедшему на выручку соотечественнику свою историю. Часовой завод, где он работает, искал рынки сбыта своей продукции. Кто-то надомнил «прощупать» Африку. Энергичному молодому человеку в склад-

чину купили аэрофлотовский билет в оба конца и дали с собой мешок часов, выданных его сотоварищам в виде зарплаты. Мол, там продашь, и кров найдешь, и пищу, да еще впечатлений и жизненно-го опыта наберешься.

История завершилась без особых потерь. Денег было немного, ну, а кому на Урале нужны элегантные местные *седу*?! Только нумизматам, а во взбудораженном перестройкой Челябинске их не осталось. Зато впечатлений, действительно, мало не показалось, но никто (да и я сам) тогда не понял, что многое в этом эпизоде было связано не с самой «нелегальной» торговлей (почти все моряки, включая наших, этим грешат), а с ее столь специфическим предметом, каким до сих пор считаются в традиционном обществе часы!

Поговорка «на Востоке не торопятся» и чисто дружески обращенный к европейцам совет «*Не суетись!*» скорее фиксируют ситуацию, нежели объясняют ее. Так что для большей части населения Тропической Африки время еще не обладает особой значимостью. Оно попросту не ценится, как в странах западной цивилизации. Ни свое, ни чужое. Оно еще не связано напрямую с деньгами, прибылью. Скорее используется как плата за удовольствие общения с приятным человеком и комфортное пребывание в хорошем месте, за удовлетворенность исполнением предписанных традиций, обычаев, за возрастание престижа среди своих — родственников, соплеменников, сослуживцев, за любование природой и другими людьми. Счета времени практически не ведется. По отношению к нему, как к безразмерному, неисчерпаемому, находящемуся всегда под рукой в нужном количестве, действует логика присваивающего хозяйства, присущего природным цивилизациям.

Конечно, ситуация не останется неизменной. Сдвиг наметился, и он необратим. Но он и не фатален в смысле неизбежного повторения вестерн-варианта цивилизационного развития, ведущего в один из тупиков социальной эволюции. Современная идея времени в перспективе связана не столько с миром вещей и денег, сколько с миром человека и его творческой деятельностью. Последняя обусловлена не только внешними по отношению к индивиду (экономическими, политическими, социальными, экологическими и прочими) обстоятельствами, но и его внутренним миром, включая активизацию различных разделов такого универсального и уникального творения природы, каким является человеческий мозг.

Список литературы:

1. Березина Т.Н. Вероятностная модель продолжительности жизни // Психология и психотехника. 2013. № 4. С. 390–400.
2. Березина Т.Н. Вероятностные представления времени // NB: Философские исследования. 2013. № 11. С. 50–80. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_9096.html).
3. Березина Т.Н. О вероятностном аспекте явлений прошлого и будущего // Философия и культура. 2010. № 11. С. 71–80.
4. Зима В.Н. Парменид и статическая концепция времени. // Философия и культура. 2013. № 6. С. 756–765.
5. Зима В.Н. Проблема онтологического статуса времени в философии науки: анализ основных трудностей // Философия и культура. 2013. № 1. С. 50–59.
6. Лукьянов Г.И., Игнатов В.Н. Отношение к историческому прошлому как фактор формирования социокультурной идентичности // Философия и культура. 2012. № 6. С. 88–95.
7. Майданов А.С. Динамика мира и ее субъекты в ведийской космологии. Часть II (окончание) // Философия и культура. 2013. № 4. С. 488–498.
8. Мальцева В.В. Философия телесности в свете концепции культуры времени // Философия и культура. 2012. № 11. С. 39–43.
9. Малюкова О.В. Эпистемология времени // Философия и культура. 2011. № 1. С. 35–40.
10. Мёдова А.А. Аналитическое мышление как отношения во времени: на примере этюда О. Мессиана «Лад длительностей и интенсивностей» // Культура и искусство. 2013. № 5. С. 579–588.
11. Петровская Е.В. Фигуры времени // Вопросы философии. 2000. № 10.
12. Суарес Анастасия Эспинель. Победитель чанков. Исторический роман. Ашгабат: Ылым, 1995. С. 185.
13. Юрасов А.А. О противоречивости течения времени // Философия и культура. 2014. № 2. С. 173–179.
14. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.
15. Andriamanjato R. Le Tainy et le Tudu dans le pensee malgache. Antananarivo, 1982.

References (transliteration):

1. Berezina T.N. Veroyatnostnaya model' prodolzhitel'nosti zhizni. // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2013. № 4. S. 390–400.
2. Berezina T.N. Veroyatnostnye predstavleniya vremeni // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 11. S. 50–80. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_9096.html).
3. Berezina T.N. O veroyatnostnom aspekte yavlenii proshlogo i budushchego // Filosofiya i kul'tura. 2010. № 11. S. 71–80.
4. Zima V.N. Parmenid i staticheskaya kontseptsiya vremeni // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 6. S. 756–765.
5. Zima V.N. Problema ontologicheskogo statusa vremeni v filosofii nauki: analiz osnovnykh trudnostei // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 1. S. 50–59.
6. Luk'yanov G.I., Ignatov V.N. Otnoshenie k istoricheskomu proshlomu kak faktor formirovaniya sotsiokul'turnoi identichnosti // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 6. S. 88–95.
7. Maidanov A.S. Dinamika mira i ee sub'ekty v vediiskoi kosmologii. Chast' II (okonchanie) // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 4. S. 488–498.
8. Mal'tseva V.V. Filosofiya telesnosti v svete kontseptsii kul'tury vremeni // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 11. S. 39–43.
9. Malyukova O.V. Epistemologiya vremeni // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 1. S. 35–40.
10. Medova A.A. Analiticheskoe myshlenie kak otnosheniya vo vremeni: na primere etyuda O. Messiana «Lad dlitel'nostei i intensivnostei» // Kul'tura i iskusstvo. 2013. № 5. S. 579–588.
11. Petrovskaya E.V. Figury vremeni // Voprosy filosofii. 2000. № 10.
12. Suares Anastasiya Espinel'. Pobeditel' chankov. Istoricheskii roman. Ashgabat: Ylym, 1995.
13. Yurasov A.A. O protivorechivosti techeniya vremeni. // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 2. S. 173–179.
14. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii. M.: Respublika, 1994.
15. Andriamanjato R. Le Tainy et le Tudu dans le pensee malgache. Antananarivo, 1982.